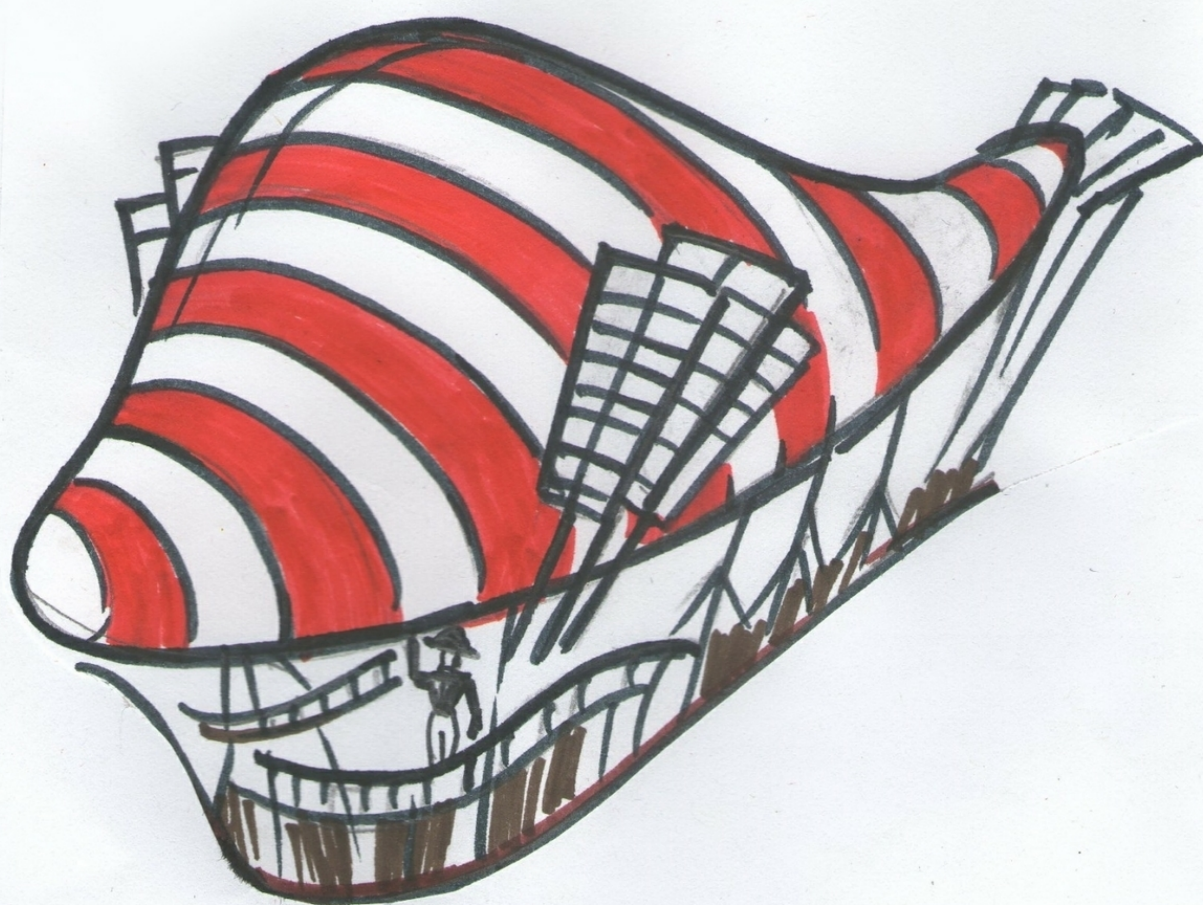

О Л Е Г Х А Ф И З О В

П О Л Е Т

"Р О С С И И"

16+

Олег Хафизов
Полет «России»

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Хафизов О. Э.

Полет «России» / О. Э. Хафизов — «ЛитРес: Самиздат», 2004

Пресловутое техническое отставание царской России от западных стран не всегда было безусловным. В 1812 году российское командование работало над проектом боевого аэростата для бомбежки наполеоновской армии, и этот «секретный проект» не был тайной ни для московской публики, ни для российских агентов Наполеона. Могла ли фантастическая машина изменить ход войны, или потраченные на нее средства в буквальном смысле слова улетели на ветер? Непризнанный немецкий гений из Штутгарта и его коллега – русский самородок из Тулы - бьются над своим летающим монстром до последнего дня, когда до их секретной фабрики начинают доноситься первые залпы Бородинского сражения.

© Хафизов О. Э., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Олег Хафизов Полет "России"

В сентябре 1812 года, вскоре после падения Москвы, летучий французский отряд рыскал в окрестностях российской столицы в поисках продовольствия. Почти все съедобное до последней курицы было сметено отступавшими русскими. Зато подмосковные усадьбы русских boyards были набиты сокровищами, достойными Лувра. Кто бы мог подумать, что через какой-нибудь месяц жалкие крохи русских крестьян покажутся французам гастрономом, и самый восторженный ценитель прекрасного Великой армии не задумываясь отдаст все эти раритеты оптом за шапку сырой муки.

В одной из усадеб в шести верстах от Москвы уланы обнаружили великолепный дворец с коринфскими колоннами и пандусами, нисходящими от второго этажа к парку, словно заброшенный в строгую северную природу пылким итальянским воображением. Другой точно такой же, но перевернутый и более темный дворец дрожал в зеркале озера. Картины, статуи, мебель и даже постели дворца остались нетронутыми, стол был накрыт на двадцать кувертов, как будто по мановению волшебной палочки обитатели этого зачарованного места стали невидимыми. Запасы продуктов в барских подвалах были аккуратно подчищены, зато почти нетронутым остался великолепный винный погреб. Сколько влезло, солдаты погрузили на подводу, а остальное стали уничтожать в безмолвном присутствии местных жителей, которым этот чудовищный акт бессмысленного вандализма должен был казаться не меньшим кощунством, чем публичное надругательство над иконой.

Польский лейтенант, в недавнем прошлом офицер российской армии, производил эту экзекуцию не только по врожденной своей неприязни к русскому мужичью, для которого, он знал, не бывает зрелища мучительнее, но и для того, чтобы эти скоты не перепились и не разграбили дворец. Война подходит к концу, и вскорости русские бояре потянутся в свои родовые гнезда, принеся клятву покорности Императору. Тогда будет нелишним напомнить, кто спас их имущество в дни анархии от разнузданной черни.

Лейтенант стоял на ступенях дворца с обнаженной саблей в руке, солдаты подносили из подвала ящики, вахмистр доставал очередную бутылку, и лейтенант громко зачитывал этикетку, словно объявлял приговор. Затем он сносил саблей горлышко бутылки, пробовал содержимое, высказывал мнение о вкусе вина и передавал бутылку по кругу. Другие уланы также выносили свой вердикт, после чего крушили бутылки саблями налету – пить уже было некуда.

– Хороша винцо, мусью? – заискивающе спросил француза один из мужиков, осмелевший от отчаяния до такой степени, чтобы подойти к этому извергу.

– На-кось, – ответил ему «француз» чистым русским языком, протянул приговоренную бутылку и, в тот самый момент, когда мужик поднес горлышко к блаженно растянутым губам, рассек его виртуозным ударом сабли точно между пальцами и ртом.

– Браво, лейтенант! Славный удар! – зааплодировали уланы.

Все были в восторге. Война, конечно, гадкая вещь, особенно в России, но подобные редкие моменты, право, искупали её тяготы настолько, чтобы предпочесть ремесло воина любому другому. Эти рыцари, однако, предпочли бы военную профессию любой другой и навеки возненавидели бы войну вообще и в России в частности, если бы обратили внимание на взгляд оскорбленного мужика и правильно поняли его значение.

– Благодарствуйте, – сказал мужик и рассмеялся так дико, что уланы смолкли и устали на него. Рожа этого наглеца со слипшимися волосами и бородой была отвратительна, он напоминал вурдалака, только что перегрызшего горло своей жертве и залитого кровью с ног до головы. Солдатам приходилось видеть и не такие страсти, и дерзкому хаму пришлось бы плохо,

если бы в ворота усадьбы не ворвался всадник. Это был разведчик, посланный лейтенантом посмотреть, что находится в огороженной datcha на опушке леса.

– Товарищи, эта усадьба принадлежит самому дьяволу, – сказал разведчик. – А на даче у него целая адская кухня.

– После казаков дьявол не страшен, – сказал лейтенант и скомандовал «по коням». Через мгновение отряд пылил к таинственному дому, срезая путь необрушенным полем, а крестьяне принялись собирать целые бутылки и сливать в ведра остатки из осколков, которых набралось не так уж и мало. Самые рачительные умудрялись соскребать со двора верхний слой земли, пропитанной вином, а затем отцеживать её через тряпку. Они проникли бы и во дворец, если бы лейтенант не оставил у двери часового.

Когда на следующее утро в село приехал французский генерал в коляске, с канцелярией и военной жандармерией, дворец был в идеальном порядке. Зато часового пришлось поискать. По кровавому следу его нашли под яблоней господского сада, кое-как забросанного соломой. На его затылке и груди зияли глубокие рубленые раны, а в рот, между разжатых зубов, было вставлено бутылочное горлышко.

Наполеон смотрел в окно из своего кабинета в Кремле и думал, сможет ли он сегодня помочиться как следует. Интуиция подсказывала ему, что неприятности русской кампании связаны с его мочеиспусканием, и дела пошли бы на лад, если бы рези прекратились. Теперь же боль мешала ему сосредоточиться на мировом господстве.

Он наблюдал, как за окном французские солдаты вместе с русскими полицейскими и мещанами пытались потушить пожар в торговых рядах, но, едва им удавалось сбить пламя в одной лавке, как оно пробивалось из другой, словно дома были петардами, соединенными тлеющим шнуром. Лиловые шлейфы дыма косо поднимались из разных мест Москвы и ползли между колоколен, озаряемые румяными сполохами. В чадном воздухе стоял сплошной гвалт ворон, которые носились из конца в конец тускнеющего небосвода целыми полчищами, как души погубленных им солдат. Между тучами пепла и сажной чернотой пожарниц особенно ясно сверкали крестики бесчисленных куполов, напоминающих головы богатырей. Сеющий тоскливый дождь как будто понемногу сбивал огонь, как вдруг, напившись изнутри какой-то адской силой, пожар взрывался ярким столбом, и с оглушительным треском рушилось целое здание. Запах гари и жар доходили до палаты Наполеона, оконное стекло в его кабинете было теплым на ощупь.

Генерал Лауэр докладывал императору, что его люди обнаружили в селении Vorontsoff тайную химическую лабораторию, назначение которой пока не понятно. Однако его шпионы, ещё до начала кампании, докладывали, что в окрестностях Москвы идет сооружение какой-то таинственной адской машины. Не от неё ли и возникают все эти пожары, которые отнюдь не могут вспыхнуть одновременно, в таком количестве, от естественных причин?

–

Шлеппиг, – прервал доклад генерала Наполеон.

–

Sire

? – недопонял генерал.

–

Это инженер Шлеппиг. Я помню его. Найдите и приведите мне этого мерзавца.

Первым делом генерал произвел подробнейший осмотр разгромленной дачи и запротоколировал все вплоть до мельчайших подробностей. Территория этой заимки была огорожена глухим забором из досок в два человеческих роста. За воротами, на обширной площадке, посыпанной песком, располагалось нечто вроде верфи с лесами, подъемными блоками, козлами и

иными приспособлениями, не понятными технически безграмотному военному. В сотне шагов от дачи валялась лодка диковинной конструкции. Эта странная длинная ладья, в которой поместилось бы полсотни гребцов, имела борта в человеческий рост, люк снизу и многочисленные порты с боков. Довольно прочная благодаря своему жесткому каркасу, она была сплетена из тростника и рассыпалась бы от самого легкого волнения. Она напоминала огромный садок для рыбы. Во время своего бегства русские, очевидно, пытались поджечь это сооружение, но, из-за дождя или по обычному русскому недосмотру, лодка едва сгорела на треть, так что рисовальщику удалось снять её полный чертеж.

Изнутри гондола была набита самыми разнообразными железками, которые невозможно было ни сломать, ни увезти. Это были винты, пружины, какие-то скобы, кованые шестеренки, звезды и крепления. Между прочими «снарядами», тщательно переписанными клерками, значились большие крылья наподобие лопастей ветряной мельницы или рыбьих плавников. При составлении отчета о расследовании генерал взял на себя смелость предположить, что крылья эти предназначены для разгребания воды, ежели мы имеем дело с *наутилусом*, или же воздуха, если это аэронавтическая машина.

За оградой фабрики скрывался довольно обширный цех, состоящий из столярных, слесарных и швейных мастерских, с верстаками, станками и отходами производства. Длинный темный барак, разделенный на мужскую и женскую половины, очевидно, служил казармой для работников, а чуть поодаль от этих двух главных строений стоял кубический домик под железной крышей без окон – что-то вроде арсенала. На полу арсенала видны были следы растоптанного пороха, а под полом, в подвале, хранились бочки с горючей смесью, связанные пучки просмоленных факелов и ракеты, наподобие тех, что моряки пускают с палубы во время праздников и туманов.

«Я близок к цели, – подумал генерал, придерживая правой рукой шляпу, левой – шпагу, и взбираясь по крутым ступеням погреба. – Неужели у этих варваров хватило духа заранее обречь свою столицу на уничтожение в случае её падения? Если так, то они чудовища, и она герои».

–

Опечатайте этот подвал и приставьте к нему часового, – распорядился генерал. – Да не забудьте отобрать у него трубку.

–

Мой генерал, быстрее, это невероятно! – позвал его адъютант из-за большой земляной кучи, заросшей высоким бурьяном.

На убитой камнями просторной площадке возвышалось то, что более всего напоминало недостроенный памятник Левиафану или макет кашалота в натуральную величину.

Этот эллипс из досок, узкий возле хвоста, расширялся к переду наподобие лба и завершался чем-то вроде рыла. Поверху он был обит деревянными ребрами таким образом, чтобы каркас в точности сохранял все изгибы его формы, если сам корпус убрать. Это был как бы корабль, вывернутый рангоутом наизнанку.

–

Великолепно, – сказал генерал. – Теперь я выведу этих русских на чистую воду.

Постоянные войны почти выкосили мужское население села. Если после дополнительных рекрутских наборов здесь и завалялись более-менее боеспособные мужичишки, то их забрали в Московское ополчение. Во всем этом селе, недавно таком многолюдном, жандармам удалось насобирать всего двенадцать человек, включая трех беглых солдат, хоть как-то напоминающих злоумышленников. Между задержанными оказался и главный подозреваемый в убийстве французского часового. Он даже не пытался скрыться или уничтожить свою рубаху, покрытую, как сказано в протоколе, «обширными пятнами засохшей темно-красной жидкости, вероятно – крови».

Генерал посадил всех задержанных в казарму разгромленной фабрики и повел следствие по всем правилам юриспруденции, без всяких скидок на варварскую обстановку, как вел бы его во Франции и любой другой цивилизованной части света, без лишней жестокости и снисхождения.

Он сразу отпустил двух дезертиров, как только они привели ему верные доказательства того, что были призваны в отряд Московского ополчения, но не принимали участия в боях, замешкались в Москве и были разоружены. Таких горе-солдат, не успевших поднять оружие против Императора, было велено отпускать на свободу, чтобы не обременять себя лишними пленными, хотя и было понятно, что они примутся мародерствовать, догонят свою армию или составят шайки так называемых партизан.

Напротив, по всей строгости военного кодекса, он оставил под арестом пятнадцатилетнего мальчика, у которого, как у других задержанных, был обнаружен факел в сарае. При общей склонности русских хватать и тащить домой все, что плохо лежит, вплоть до артиллерийских орудий, в этом не было ничего предосудительного. Однако именно такие факелы могли применяться для поджогов Москвы и, следовательно, этот дурачок приравнялся к противнику, сражавшемуся против Императора с оружием в руках, но без формы и знамени, то есть, военному преступнику.

Несомненно, что к числу подозреваемых в военном преступлении следовало отнести и человека, прозванного французами мосье Тулон. Настоящая фамилия или кличка этого оригинала была Туленин. Он был мастер оружейного завода, приданный в помощники немецкому инженеру фабрики за свою исключительную смекалку. Туленин представлял собой нечто среднее между крестьянами и благородными людьми, ходил без бороды, но в народном платье, не знал грамоте, но довольно внятно и самоуверенно болтал по-французски, так как в период российско-французской дружбы побывал на учении за границей.

Было совершенно непонятно, почему этот человек отбил от общего российского стада и остался у неприятеля. Сам он на этот вопрос только пожимал плечами и отвечал, что надо быть везде человеком и тогда тебе нигде не причинят вреда: хоть у русских, хоть у французов, хоть даже у самих американцев. Этот узник пользовался в плену величайшей вольностью, ходил по двору, где ему вздумается, перечинил солдатам все кремневые замки, все повозки, мигом соорудил для них на улице каменный очаг и даже сделал вокруг него что-то вроде столовой из бревен. Тулон оказывал французам множество незаменимых услуг в качестве переводчика и посредника с местным населением. И все же генерал не имел права его отпустить, поскольку в его избе был обнаружен целый склад деталей ружей, пистолетов, сабель и черт знает ещё каких адских приспособлений.

Через два дня генерал завершил исследование места преступления, опрос свидетелей и подозреваемых. Картина преступления была в целом ясна.

В амбаре, за столом полевого суда, сидел генерал в раззолоченном мундире с густыми эполетами, ещё несколько разноцветных офицеров в мундирах победнее и какой-то штатский с масляными волосами до плеч, в коричневом сюртуке и круглых очках. Генерал объявил начало суда, все молча постояли и сели, а человек в очках по-французски стал читать обвинение.

Он читал долго и выразительно, по очереди откладывая в сторону прочитанные листы, местами трагически повышая голос или делая эффектные паузы, как будто репетировал пьесу. В отдельных местах генерал многозначительно кивал и делал пометки в своем журнале. Поодаль от трибунала, на раскладном стульчике, сидел рисовальщик в синем фраке с отложным воротником, галстук «жабо» и лакированных сапожках с желтыми отворотами. Он делал ловкие и выразительные зарисовки персонажей *des moçjics russes* в надежде выгодно продать их какому-нибудь парижскому журналу по возвращении домой.

Время от времени речь обвинителя достигала своего апогея и всем казалось, что уж теперь-то кончено, но докладчик отпивал из стакана глоток воды и доставал из папки новый шуршащий листок. Обвиняемые с тревогой вслушивались в бессмысленные картавые звуки.

–

Об чем он, дядя Туленин? – спросил механика мальчик, которому становилось смешно, несмотря на ужас.

–

Журит, – отвечал Туленин.

Он различал в потоке французской речи многие отдельные слова, но они не складывались в цельное понимание. Эти слова не предвещали ничего хорошего: «адская машина», «огонь Москвы», «убийство Императора», «русский бандит».

Один из офицеров стал называть имена обвиняемых и задавать им вопросы на том языке, который, очевидно, считал русским. Смысл его вопросов можно было скорее угадать, чем понять.

–

Имел ли ты огонь до свой дом против Франс? – строго спросил он мальчика.

–

Простите, ради Христа, – притворно захныкал мальчик.

–

Виновата ли ты?

–

Больше не буду.

Судьи шепотом посоветовались и вынесли вердикт «виновен». Солдат вытолкнул к столу следующего, и процедура повторилась без проволочек. Чтобы не сердить строгих начальников упрямством, все охотно признавали свою вину и падали на колени. Между собою мужики порешили, что их собираются сечь, и теперь изъясляли раскаяние, чтобы их не изуродовали.

Очередь дошла до страшного мужика, подозреваемого в убийстве часового. На следствии он признался во всем, но вдруг передумал и стал запираяться.

–

Ты убивал солдат? – спросил переводчик.

–

Ни Боже мой. Вот те крест, – упрямылся мужик.

–

Где твой топор?

–

Поломался. Я его выкинул.

–

Для чего ты спрятал рубаху?

–

У меня другой нет.

–

Отчего рубаха в пятнах?

–

Запачкал вином.

–

Он выкинул оружие убийства, а затем спрятал рубаху, пропитанную кровью несчастного, чтобы скрыть следы. Виновен вне всякого сомнения, – подвел итог генерал.

Судьи единогласно признали мужика виновным и поставили подписи под приговором. Генерал позвал Туленина. Посмотреть на суд угодительного слесаря собрались все солдаты команды и жители села, кто посмелее.

–

Мосье Тулон – славный малый. Всыпать ему как следует и отпустить, – предложил капрал, которому Туленин запаял серебряную серьгу. Генерал позвонил в колокольчик.

–

Косма Иванов Туленин, вы признаете, что участвовали в заговоре инженера Шлеппига для истребления императора Франции адской машиной? – спросил генерал.

–

Не знаю инженера Шлеппига и не делал адской машины, – отвечал Туленин. – Мы с господином доктором Смидом по велению императора Александра сочиняли земледельческую машину, которая могла бы удобно косить хлеба и собирать их без помощи лошадей, перелетая с места на место.

–

Признаете ли вы, что держали у себя дома детали ружей, пистолетов, шпаг и иных орудий, вопреки приказу императора Наполеона?

–

Мне не можно без моих слесарных упражнений.

–

Я испытываю к вам уважение и с удовольствием пожму вашу честную руку, господин Туленин

, – с сердцем сказал генерал. – Но мы на войне, и закон превыше меня.

Переводчик по-русски объяснил приговоренным, что они будут расстреляны именем Императора и имеют право исповедаться и причаститься святых тайн. Когда священник уединился с Туленином, тот сунул в рукав его рясы какой-то клочок бумаги, склонился над его рукой, как бы для поцелуя, и торопливо зашептал:

–

Батюшка, два слова. Коли встретишь господина Смиду, то скажи ему, что воздух надо не грести, но сверлить. Передай, что Туленин, мол, велел кланяться и воздух сверлить винтом.

Огорченный священник подумал, что несчастный слесарь от страха совсем тронулся умом. Их разговор, однако, не ускользнул от внимательного генерала. Лауэр без церемоний вырвал из руки попа записку и развернул её. На бумаге был изображен какой-то аппарат наподобие груши с мельничным ветряком на горбе. Внутри аппарата человечек крутил педали, соединенные с ветряком через хитроумный привод. Поскольку рядом с этой грушей была нарисована птица, то она, очевидно, летела по воздуху.

«Боже мой, – подумал генерал. – В этой стране нет ни одного шоссе, а мужики придумывают летающие машины. Не дай Бог любой нации оказаться у них на пути, если их бредни соединить с немецким исполнением». Он сложил чертеж узкой плотной полоской и стал раскуривать им трубку.

Завязывая руки Туленина позади столба, капрал отпустил узел посвободнее и просил, удобно ли ему. Туленин поблагодарил своего французского приятеля и заплакал. Ему все казалось, что он достаточно наказан и кто-то вот-вот скажет: «Довольно, этому человеку преподан хороший урок по гроб жизни. Отпустите его».

Ударил барабан. Туленин услышал, как рядом каким-то нечеловеческим, заячьим голосом заверещал мальчик. Невыносимый ужас окатил его огнем. Его сильно ударили по плечам железной палкой, но смерть не наступала. «Ну вот, они меня палкой», – подумал Туленин.

Все солдаты взвода целили мимо Туленина и только хуже его изранили. Слесарь повис на веревках, сучил ногами и что-то бормотал.

—

Молокососы, так-то вы понимаете снисхождение! – крикнул капрал, отнял у одного из солдат ружье, решительно подошел к телу Туленина и точным хирургическим движением вогнал ему штык под ребра в центре груди. Туленин удивленно охнул.

Настоящее имя доктора Смида было Шлеппиг. В своем городке он считался известным кунстмейстером или штукарем, а не серьезным ученым. Он умел мастерить самые невероятные устройства и механизмы к восторгу ротозеев, но при одном условии – если они не имели практического значения. Он показывал на ярмарках живые картины, карликов, добывающих золото в шахтах, дона Гуана, которого черти тащат в ад, виды Венеции с каналами и плавающими гондолами, морские баталии с турками, ухаживания пастушков и галантные сцены куртизан. У него в саду был целый зоопарк рыкающих механических животных, леопардов, жирафов и медведей, которые подходили к гостям по их требованию, виляли хвостами и покорно наклоняли головы. Особенно изумляла голова доктора Фавста на блюде, вращавшая глазами, раскрывавшая рот и предсказывавшая будущее утробным голосом. Соседи подшучивали, что герр Шлеппиг прячет в шкафу механическую жену, такую услужливую и пригожую, что ему не надо живой фрау. Все эти фокусы приносили Шлеппигу неплохой доход и ещё больше расходов на приобретение редких материалов и инструментов, но его привлекали глобальные замыслы. Однако, стоило ему предложить публике серьезный проект, как его поднимали на смех. Что бы он ни выдумал, все оказывалось неосуществимым из-за астрономических расходов или нелепости.

Шлеппиг приписывал свои неудачи скудоумию сограждан, не видевших дальше собственного носа, и ничтожным масштабам своего крошечного отечества, уютного для филистера, но удушливого для гения с размахом. Его упования привлекали две державы, где размаха и средств было в избытке – Россия и Франция.

В восточной Империи, как и в западной, безродные люди, ничего не значившие в провинциальном болотце, иногда с фантастической легкостью достигали сказочных высот, огромного богатства, становились фаворитами и вельможами. Русские, насколько ему было известно, особенно благоволили немцам и продвигали их по службе гораздо легче, чем своих соотечественников. Французы ценили в человеке прежде всего практическую пользу, и уж если такая подтверждалась, деятель совершал головокружительную карьеру, будь он хоть негром.

Шлеппиг не без злорадства наблюдал за военными неудачами своей страны, так легкомысленно презревшей его изобретения. Когда, после Тильзитского мира, вся Германия попала под власть Наполеона, Шлеппиг временно сделался бонапартистом и пылким сторонником новых идей, утратив расположение патриотичных соседей.

Он начал лихорадочно работать над новыми видами вооружений, которые позволят западному миру без значительных потерь в короткое время покорить бескрайние просторы Евразии от Ледовитого океана до Индийского. Поначалу его помыслы были заняты усовершенствованием подводного аппарата, который позволял бы незаметно подплывать к вражеским судам и пробивать их днища стальным клювом. Впрочем, такое оружие больше годилось для покорения Англии, беспомощной без своего флота, чем для сражений в степях дикой Скифии, где люди столетиями свободно обходились без кораблей.

Шлеппиг обратился к проекту летающей машины, которая без помощи конской тяги и повозок могла бы пересечь всю Российскую империю от Петербурга до Камчатки, сея разрушение и ужас среди темных туземцев. Что и говорить, идея была не нова. С тех пор, как было доказано, что аэростат нетрудно поднять на воздух, но невозможно придать ему нужное направление, воздушные шары порядком поднадоели просвещенной публике и могли ещё впечатлять только ротозеев на ярмарке или русских, до которых все новшества доходят через несколько лет.

Но Шлеппиг, кажется, нашел способ быстрого перемещения летательной машины по воздуху, независимо от её размера. Наблюдая за движениями рыб, он пришел к выводу, что водная стихия вокруг них подчинялась бы тем же принципам, что и воздух вокруг летящей птицы, если бы не плотность. Для того, чтобы новый аппарат чувствовал себя буквально как рыба в воде, достаточно было сделать соотношение его плотности с плотностью воздуха равным отношению рыбы и воды. Невозможно уплотнить воздух до состояния воды, но вполне возможно облегчить машину до веса менее воздуха. Достаточно создать модель рыбы и надуть её водородом.

Шлеппиг соорудил в сарае точную копию такового аэростата из непроницаемого гумми-эластика с пропорции 1/30, повесил к ней гондолу из соломки и наполнил её оловянными фигурками французских солдат. Летающий кит приводился в движение при помощи двух веерообразных ласт на заводных пружинках и жужжа летал по комнате, натываясь на стены. Высота полета менялась наклоном ласт, направление – хвостом. Сам изобретатель, выполняя роль кормчего, подвел машину к столу, где была выстроена армия солдатиков в русской форме, и иголочкой открыл люк в брюхе гондолы. На головы русских посыпались ящички с порохом, и строй противника был опрокинут. Оставалось только увеличить модель в тридцать раз, посадить в неё обученную команду из живых людей и погрузить боевой запас в 1200 фунтов. Исходя из примерной численности российской армии, инженер решил, что для её разгрома достаточно будет пятидесяти аэростатов, непрерывно крейсирующих над полем боя.

Ещё около месяца ушло на создание рабочих чертежей, экономические выкладки и составление подробной сопроводительной записки на сорока листах. С этими трудами он и отправился к французскому посланнику в Штутгарте, чтобы через него добиться личной встречи с Императором и изложить ему свой проект. Ожидание аудиенции заняло целую неделю. Когда же Шлеппиг явился во дворец посланника, предвкушая триумф, его направили к одному из второстепенных комиссаров по снабжению.

Комиссар, занимавший почти генеральскую должность, оказался мальчишкой лет двадцати шести. В прежние времена такому не доверили бы и роту. Он был вылитой копией Наполеона на Аркольском мосту и к тому же утрировал это сходство отрывистой, лаконичной манерой речи и быстротой движений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.